

Марина Струкова

ДАР

Рассказ

Марина Васильевна Струкова родилась в поселке Романовка Саратовской области. Окончила Московский экстерный гуманитарный университет (факультет литературы и русского языка), Высшие литературные курсы (семинар Ю. Кузнецова). Работала учителем и сотрудником СМИ. Публиковалась в изданиях «Наш современник», «Москва», «Подъём», «Роман-газета XXI век», «Российский писатель» и многих других. Лауреат конкурсов им. Ю. Кузнецова, им. Н. Некрасова, «Молитва», «Прекрасные порывы», «Добрая лира». Дважды лауреат журнала «Наш современник». Живет в Тамбове.

Я закрывал дверь на замок, когда сосед Миха, унылый мужик с лошадиной физиономией, подъехал к своему палисаднику на грузовике и вывалил из кузова грудку песка. Кузов опустился, машина уехала. На пороге Михино дома появился маленький старик с взлохмаченными седыми волосами и бородой, в нелепой зеленой кофте и спортивных штанах. Опираясь на клюку, кряхтя, неуклюже сполз по ступенькам и примостился на лавке напротив кучи песка. Потом достал глиняную трубку и стал набивать табаком из жестяной табакерки. Вот так раритет, мог бы папиросы купить. Я кивнул ему и зашагал по осенней улице вдоль разномастных одноэтажных домов провинциального поселка, во дворах которого шелестели бронзово-золотые кроны деревьев.

В Узварово я приехал из села, окончил здесь колледж, потом курсы программистов. Все больше людей обзаводились компьютерами и время от времени нуждались в помощи мастера. У меня появилась своя клиентура. Прежде ютившийся в общаге, я снял дом и теперь надеялся выкупить его у хозяев, перебравшихся в Москву. Особенно справа от моего пустовал, а слева жил Миха. Песок к своему палисаднику мрачный неразговорчивый сосед привозил каждое утро, а к вечеру эта горка постепенно

исчезала. И меня удивляло одно — куда? Ведь не было рядом стройки, и никто не брал его, чтобы готовить раствор для кладки. Однако несколько тонн белого речного песка истаявали за день, рассеивались, распылялись.

Впрочем, нужно было думать о своих проблемах. Сейчас я направлялся в районный Дом культуры, решить проблему с компьютером директрисы. Но рутину будня расцветивало ожидание более интересного события. Сегодня, насколько я знал, в ДК должна состояться репетиция студии восточного танца, которой руководила Леночка Осинина. А насчет Леночки я строил серьезные планы. Она не из тех простушек, которых можно снять на ночной дискотеке и увести домой, угостив пивом. Эффектная брюнетка с глазами арабской принцессы была умна, амбициозна, высокомерна, но я нравился ей. Обычный парень двадцати двух лет с ничем не примечательной физиономией. Что-то она во мне заметила? А может быть, я просто тешил себя иллюзиями. Мы познакомились год назад, когда она помогала готовить выпускной бал в колледже и часто заглядывала к знакомым студенткам в общагу, где я жил тогда. В тесной комнате с ободранными обоями мы пили кофе и говорили о жизни. Меня, увлеченного литературой, прочитавшего, наверное, вагон книг, не могли надолго заинтересовать дочки местных фермеров. Симпатичное личико — это замечательно, но если собеседница глупа как пробка, ее нельзя воспринимать серьезно. Лена читала и слушала классику, легко рассуждала о современном искусстве, у нее был собственный взгляд на любое явление. Может быть, я преувеличивал? Но для восхищения все-таки нужны основания. Елена Премудрая... Вспоминая ее восточные очи под ровной черной челкой, словно у принцессы с египетской фрески, я невольно улыбался. Синее небо с парой ослепительно-белых облаков казалось безмятежным. Вдруг под ногами я заметил мертвую птицу в сером оперении. Присмотрелся — маленькая сова. Наверное, ночью разбилась о лобовое стекло машины. У меня возникло неприятное чувство, словно что-то неясное, но жуткое таилось за желто-рыжими садами и шиферными крышами безлюдной улицы. Так иногда мы вспоминаем: смерть неизбежна для каждого живого существа — что для жалкой птицы, для которой главное — поймать и съесть еще более жалкую мышь, что для человека...

Двухэтажное здание Дома культуры таращилось на белый свет огромными мутноватыми окнами, где криво отражалась площадь с памятниками Ленину и Александру Невскому. Я распахнул тяжелую дверь и шагнул в просторное холодное фойе. Поднялся по лестнице и оказался в кабинете директрисы, где должен был поставить антивирус и пару программ на компьютер, но когда из-за стены послышалась музыка, отправился в зал, где репетировала моя красавица со своими ученицами, которые были лишь на пару-тройку лет моложе ее. Ох, Лена — по праздникам она будоражила наш степной поселок восточной экзотикой. Сейчас кресла зрительного зала пустовали, а на широкой сцене кружились, взмахивая обнаженными руками, узваровские старшеклассницы. Наряды они шили рискованные, полупрозрачные. Зачастую Лена играла главную роль, оставляя в тени своих подопечных. И сегодня она в алой, летящей, просвечивающей одежде казалась центром радужного хоровода, солнцем маленькой галактики. Я словно грезил, замороженный плавными змеиными движениями под чувственную стонущую музыку. Когда номер окончился, ослепительная дева не спустилась, а скорее снизошла со сце-

ны ко мне и спросила с гордой улыбкой, уверенная в своем обаянии, понравился ли танец.

— Это потрясающе, слов нет, — сказал я, конечно, имея в виду ее лично.

— Приходи на концерт, Игорец, — пригласила она, как наверняка приглашала всех своих знакомых. Но у меня сердце на миг остановилось.

— Обязательно! Может быть, посидим в кафе?

— О нет, не сегодня. — Тронутые розовым блеском губы изогнулись в гордой усмешке. — Мне нужно в роно, приглашают работать инспектором.

Стало лестно, что Лена посчитала нужным сообщить мне эту важную новость — все, связанное с ней, казалось мне важным. В центре мира оказалась руководительница кружка. Я шел домой в приподнятом настроении.

Издали заметил, что дед Михи все так же сидит напротив кучи песка и смотрит на нее, но не тупо, а сосредоточенно, сдвинув лохматые брови, впившись взглядом в холмик, который стал на две трети ниже.

— Дед, это из тебя песок высыпался? — ухмыльнулся я.

Он вздрогнул и глянул, словно не узнавая — так смотрят люди, выходя из кинотеатра, где за три часа успели погрузиться в виртуальный мир. Потом склонил голову набок и произнес:

— Ничего у тебя с ней не выйдет.

— С кем?

— Сам знаешь. — И снова сосредоточился на куче песка.

Я ощутил озноб, вспомнив улыбающееся, с чертовщинкой в глазах, лицо Леночки, шепотом пробормотал:

— Да пошел ты...

Взбежал на порог и открыл замок. Дома поужинал и решил выйти в сад за яблоками. Взял пластмассовую чашку. Под деревьями стоял янтарный полумрак от солнца, клонившегося к закату. На плотной черной земле, усыпанной листьями, адело и желтело многоцветье крупных плодов. Сады — мой и соседский — не разделяла изгородь. Миха сидел за тухлявым столом на пеньке и пил пиво из большой деревянной кружки. Его длинное лицо, как всегда, казалось грустным. Я сказал:

— Здорово, сосед. — И стал трясти яблоню, потому что плоды на ветке казались аппетитней, чем падалица.

Миха кивнул и глухо произнес:

— Пива хочешь?

— У меня дома бутылка. — Я пошел и принес литровую, прихватив вяленую рыбу.

Миха обычно был неразговорчив, но тут его потянуло на общение.

— Дед твой чудной какой-то, — заметил я.

— Он не дед мне.

— А кто же?

— Может, прадед...

— Ничего себе! — вырвалось у меня. — Тебе-то, наверное, за сорок, а ему сколько тогда?

— Черт знает. Жена пробовала документы найти, да так и не нашла. Заново все делали.

— Жена? — С тех пор, как переехал, женщин здесь я не видел.

— Ушла она. Бойтся.

— Кого?

— Деда.

— Чего его боятся? — пожал плечами я. — Он еле ходит. Приставал, что ли?

— Не в этом дело, — вздохнул Миха. — Да и зачем тебе голову ломать? Достаточно, что он мою жизнь гробит. И не сдохнет ведь никак. Несколько раз ложился, и мы думали: ну все, кранты. Ан нет, снова встает и здоровехонек. Не может помереть.

— Я бы радовался, ведь если предок-долгожитель, значит, и ты долго проживешь. Гены.

— Так? Глядя на песок?

— А что насчет песка? Зачем вам столько? Вроде ничего не строите.

— Не нам. Ему, — Миха махнул рукой. — Знаешь, пойду я. А ты допивай.

Сосед встал и быстро ушел. Я остался в недоумении.

Концерт в честь Дня района заканчивался. Я поспешил к выходу, остановился под навесом на широком пороге ДК и стал ждать Лену, обдумывая комплименты ее выступлению и внешности. Девчонки любят красивые слова. Но Леночка вынырнула из дверей не одна. Семенила на высоченных каблуках, держа под руку плотного парня в кожаном пиджаке, прижимая к груди букет белых роз. Она рассеянно кивнула мне и повернулась к спутнику. Оживленно о чем-то говорила, с нежностью глядя в его невыразительное, да просто тупое, красноватое лицо. Такие типы возглавляют охранные фирмы или наоборот — выбивают чужие двери. Парочка уселась в серебристую иномарку...

Я не помнил, как оказался уже далеко от ДК. Брел по обочине, а холод пронизывал до костей. Мигали фонари вдоль домов, где за ярко освещенными окнами прятался чужой уют. «Вот так и вешаются», — подумал я. Дурь пишут в книгах, что если любишь женщину, то будешь желать ей счастья даже с другим. Я был в бешенстве. Хотелось убить обоих. Попытка не думать о ней, но возвращался к одной и той же картине: Елена Прекрасная уходит с другим. Ей нужны деньги, а не красивые слова, это и есть объективная реальность. С умом распорядилась своей... И я мысленно срывал с нее прозрачный эстрадный костюм. Она красовалась на сцене, показывая товар потенциальным покупателям... Нет, я не прав! Вижу в обычной девчонке вселенскую блудницу. Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше. Почему бы просто не забыть ее? Тревожиться стоит только из-за того, что наносит материальный ущерб, а я страдаю из-за иллюзии. Только ли иллюзии? Это ведь не фантом, не призрак, а живое существо, которое я мог бы схватить в объятия. Но меня опередили...

Вот и мой пустой дом с темными окнами. Поднимаясь на крыльцо, ощутил у себя в ботинках пыль. Как она набилась? Они же не дырявые. Сбросил обувь, оттуда высыпался белый речной песок. Тьфу! Да ведь у двора, как всегда, вечером и песчинки не было. Недаром поутру Миха привозит новую порцию старику-маньяку. Бред какой-то.

Нет, нужно что-то менять, иначе так и состарюсь в этом волчьем углу, сходя с ума от скуки.

За окном раздался странный гулкий вскрик. Я посмотрел сквозь мутное стекло. Напротив, на крыше дровяного сарая, темным столбиком застыла небольшая птица. Видимо, ночная. Я включил компьютер, вошел в сеть, нашел аккаунт Лены в «Одноклассниках». Ее аватар был украшен короной — чьим-то виртуальным подарком, сменившим мой — мерцаю-

щее сердечко. Полночи я шарил по социальным сетям, искал ее профили, пытаясь больше узнать о парне, с которым уехала моя восточная принцесса. Впрочем, теперь я называл ее и дрянью, и сучкой...

Чтобы уснуть, выпил водки, встал поздно, мрачный, с опухшей физиономией поплелся на улицу — на свежий воздух. Тусклый осенний день не вызывал оптимизма. Создавалось впечатление, что повторяется предыдущий. По улице брели те же люди, на разбитом асфальте подскакивали те же машины, облезлый козел на измочаленной веревке ходил по кругу напротив моего дома.

Михин старик уже сидел на лавке и смотрел на песок. Я приблизился и сказал:

— Здравствуйте.

Он, не глядя на меня, кивнул. Сейчас в его руках была клюка, которой он рассеянно водил по влажной земле.

— Меня Игорем зовут.

— А меня Дижо, — произнес старик протяжно, словно не переставал думать о чем-то важном.

— Странное у вас имя — не русское, — заметил я.

— И у тебя не русское, — парировал он.

— Зачем вам столько песка?

— Работу чертям задаю, — ответил Дижо невозмутимо.

— Как? — мне показалось, что ослышался.

— Если работу не задам, плохо бывает.

Я сел рядом на скамейку. Похоже, у старика ехала крыша. Но мне было так тошно, что решил развлечься беседой.

— Но никого не видно, дедушка.

— Разве ты их увидишь? А они все рядом. Мой легион. И я их вот тут держу! — Дед обернулся ко мне, блеснув неожиданно ясными глазами, сжал свой сухонький кулак, обтянутый коричневой кожей. — Ни один не улизнет.

— Может, вам просто забыть о них? Телевизор посмотреть? — Мне стало не по себе, что говорю с сумасшедшим всерьез.

— Не дадут покоя! — с досадой махнул рукой он.

— И вот так всю жизнь?

— Нет... нет, мон ами. Не всю, — он глубоко вздохнул, поднял взгляд на облака, медленно плывущие над крышами. — И я был свободен, молод. Дивный Прованс. Мой дядя был ученым человеком, составлял лекарства, а я помогал. Но юнцам хочется приключений...

— Вы француз? — изумился я богатой фантазии деревенского деда, в биографии которого ничего интереснее создания колхоза не предполагал.

— О да! — глаза деда вспыхнули. — Там была одна Жюльет — нет, Жюстина... впрочем, все равно. Я уходил на войну, и она накануне, вечером, согласилась прийти ко мне домой. Но обманула! Ах, девчонки!

Я невесело ухмыльнулся.

— Да, дед, они такие.

Он вскинул голову, глядел в осеннюю даль вдохновенно, просветленно.

— Славное время! Все казалось нипочем, только работой саблей! Бывало, голодал, а бывало, горстями греб червонцы. Но слаще всего миг, когда видишь французский флаг над чужой крепостью. И я был молод, и наш славный император... Мы шли, и под наши сапоги ложилась Европа, а ее девки ехали в нашем обозе, кто волей, кто неволей — чешки, бол-

гарки, польки. Но я запомнил только Жюльет — нет, Жюстину, которая не пришла...

— Какой император? — прервал я.

— Бонуапарт. Великий полководец. И уважал простых солдат, знал всех по имени.

— Ну все, приехали, — сказал я, вставая. Дело дошло до Наполеона, значит, старик конкретный псих. Классический.

— Не веришь? — быстро спросил он. — Ладно, ступай. Не мешай делу.

Но меня разбирало любопытство, до какого края может дойти фантазия старика, и я твердо заявил:

— Верю. Чего только в жизни не бывает! А что дальше?

— Дальше была русская зима. — Старик опустил голову, вода клюкой по песку. — Мы брели назад, ели палых лошадей, грелись у костров. Однажды зашли село, надеясь найти еду и ночлег. Все дома были пустые, но над одним вился дымок. И вдруг на отряд налетела неведомая сила. Нас бросало и било о деревья и заборы. Командиру кол вошел в живот, и он умирал в муках, кому-то оторвало голову, снег залила кровь. Но врагов мы не видели! Словно на нас напала пустота, ничто, ощетинившееся незримыми клыками и когтями. Остались живы только я и мой товарищ... да, такой веселый парень со шрамом. А я был полковой лекарь... Когда все стихло, почти на рассвете мы выбрались из-под перевёрнутых саней, под которыми прятались, и вошли в дом, где светило окошко. Там умирала старуха. Она и подарила мне Силу. Сначала я не понял, что со мной случилось. Странные твари пришли утром и стали требовать работы. Я пытался прогнать их, но они принялись мучить меня. Мой товарищ убежал — ему показалось, что я сошел с ума. Но нет! Меня просто обьял ужас.

Приказал им, чтобы охраняли меня. Но для охраны хватало одного. Велел перенести меня к императору. Но они сказали, что привязаны к этому месту, к этому селу. Не позволят мне уйти. Я побежал в церковь, чтобы попросить русского пастора... священника спасти мою грешную душу, но упал на пороге, меня отшвыривало от двери. Это видели русские крестьяне, местные, они вернулись из леса, где скрывались от французов, и теперь спешили с вилами, чтобы убить меня, но эти существа, мои демоны, стали рвать их в клочья. Тогда я приказал демонам остановиться — и они остановились. Я пошел на окраину села и спрятался в пустой избе. Но все твари пошли за мной. И кто не поместился в доме, облепили его снаружи. Ночью они исчезают. Думаю, проваливаются в ад. Но утром — а старуха передала мне Силу как раз на утренней заре — являлись ко мне и просили дела, много дел! Я не знал, что придумать. Простой солдат. Посылать их издеваться над людьми не хотел. А именно это доставляло им особое удовольствие. Я ненавидел своих незримых тюремщиков. А меня ненавидели местные, среди которых я остался жить поневоле. Но иногда, таясь от остальных, меня навещали недужные, чтобы попросить помощи, потому что сочли колдуном — а разве я был им? Просто знал, как лечить раны, как снять жар...

Однажды увидел ее — русскую девушку, похожую на Жюльет, или Жюстину. Она прибежала ко мне, чтобы спрятаться от красных, которые арестовали ее отца. Да, прошло уже более ста лет после того, как я принял Силу, но постарел не сильно. На вид казалось, что не старше тридцати пяти. Красные явились за ней, тут я и задал работу своему черному

легиону. Больше никто не видел этих солдат. Девушка спросила, как отблагодарить меня за спасение. И я попросил стать моей женой. И что ты думаешь? — торжествующе спросил старик. — Она согласилась! И призналась, что хотя в селе меня зовут ведьмаком, но я всегда нравился ей. Я рассказал жене о своих чудовищах, она испугалась, но эта девушка была умнее меня. Она сказала: запряги лошадь, привези с реки телегу песка, высыпи его у крыльца и прикажи им носить по одной песчинке туда, откуда каждая из них взята! Вот и таскают по сию пору, — завершил он свой рассказ. — Ладно, иди. Наговорил я тебе лишнего.

Неподалеку Миха поправлял изгородь палисадника, я подошел к нему, пожал руку и заметил:

— Дед вашего подлечить надо: говорит, что Наполеона видел.

— Может, и видел, — хмуро сказал Миха. — Уже не знаю, что думать. С детства слышал от родителей, что есть у нас в Узварово дальний родственник. Они его звали просто Дед. Мол, не надо забывать о нем. Что всегда в нашем роду знали — случись что, Дед поможет. А как поможет, и кому помогал, об этом не говорили. Я пытался выведать больше, но мои бабка и дед сразу замолкали. А мать отмахивалась: «Недосуг байки рассказывать. Просто уважай старость, сынок». Вот и уважил. Когда один я из семьи остался, а было мне чуть больше двадцати, наверное, как тебе сейчас, жену в дом привел, верующую. Таней звали. Зовут. Ты ее не видел. Маленькая такая, с длинной косой. И вот как-то раз рассказал ей про Деда. Она и говорит: надо его навестить. Навестили. Страшная кривая хата под соломенной крышей, и это посреди центральной улицы. Видно, построена она была тут лет сто назад, да так и осталась. Со всех сторон подперта бревнами, чтобы растрескавшиеся стены не упали. На завалинке сидел Дед и, как помню, тыквенные семечки грыз. Перед ним куча песка. Таня подала Деду пакет с пирожками, банку молока. Он говорит:

— Спасибо, дочка. А вы не Дижовы?

— Да, — отвечаю.

И он стал спрашивать про моего покойного отца, вспоминать, каким резвым мальчонкой тот в детстве был, как они вместе рыбачили. Тут дьявол меня дернул сказать:

— А вы бы к нам переехали. Дом большой, отопление газовое, еды на всех хватит.

Он говорит:

— Ох, спасибо, сынок. Хата моя того гляди развалится, и хоть есть мастера, что вмиг построят дворец, однако не желаю просить их.

— Жулики?

— Нет, — он усмехнулся и головой покачал.

А жена стала меня за доброту хвалить. Приятно. Через день смотрю: Дед стоит на пороге с сундучком — такие сейчас только в фильмах и увидишь, про царскую Россию. Таня ему загодя комнату приготовила. Зашел новый жилец в прихожую и столбом замер. Я сначала не понял, почему. Потом все же боком, боком прокрался к себе. А на другой день начал характер показывать.

— Снимите, — говорит, — икону, или хоть полотенцем завесьте, а то мне от нее не по себе.

Таня говорит:

— Этой иконой меня мать замуж благословила. Одумайтесь, дедушка, такой старый, а атеист. Вспомните о душе.

Он руками замахал:

— Это не для меня. А о душе думаю ежедневно.

В общем, как ни старалась она его уломать, Дед ни в какую. А образ стал к стенке ликом поворачивать. Я пригрозил, что такого гостя обратно отправлю в хибару. Но как-то проезжал на работу, смотрю, а хата его развалилась. В дом престарелых отдавать? Стыдно перед людьми. А Таня что-то стала болеть. То одно, то другое. В общем, однажды сняла она икону, собрала вещи и ушла к матери. Я человек тихий, но тут на деда выверился. И вдруг чую, не могу его ударить, и все тут. Кулаком так по притолоке шарахнул, что рука болела едва ли не месяц. А на второй день Дед велел песок привезти. Я говорю:

— Зачем?

— Бесам работу задавать, — отвечает. — А то видишь, они на твою жену болезни напускали от безделья.

— Может, в психушку тебя? — говорю.

А за окнами какой-то грохот раздался, смотрю, мой грузовик сам завелся, изгородь повалил и прет прямо на дом, хорошо медленно ехал, я выбежал, в кабину влез, остановил. Думаю: лучше Деда не трогать. Видно, «слово» знает. Через несколько лет сошелся я с одной боевой бабой из санэпидстанции. Наташкой. Здоровенная, коня на скаку остановит. Дед все возле своего песка сидел...

— А как зимой, не мерзнет на скамейке? — полюбопытствовал я.

— Зимой он у окна торчит, ему снега хватает.

Я ухмыльнулся, представив бесов, пытающихся остановить снегопад.

— Так вот, о моей гражданской супружнице... Я поехал от нашего завода в Москву — груз повез. Ну и с ночевкой. Вернулся. Наташка ни жива, ни мертва. Оказывается, в полночь услышала голоса в комнате у деда, словно собралась шумная компания. Долго терпела. Сам понимаешь, человек она в доме моем новый. Думала, что Дед всегда гостей приглашал. Но голоса все громче. Она к двери подошла, слушает.

— Давай сыграем на Наталью, — кто-то говорит. — Проиграешь, она наша.

— Если бы по крови была родной, мог бы проиграть. А так, власти над ней у вас не будет. Давайте играть на февральский снег.

Наташка дверь приоткрыла и видит: сидит Дед один за столом, перед ним карты. И карты эти время от времени в воздух поднимаются и об стол хлопаются. Режется Дед в дурака с пустотой. Наташка говорит, ее аж прохватило, едва до туалета добежала. Вот и эта от меня ушла — к бывшему мужу. Дерется с ним, но, видно, там спокойней. И я ее не виню, — твердо заключил Миха.

— Дед говорит, его Дижо зовут. С вашей фамилией сходство есть. Получается, ты потомок француза.

— Или не знаешь, что дежа — это кадка большая? Старое русское слово, — недовольно сказал Миха. И я понял, что ему неприятна мысль о родстве со стариком. — По паспорту он Евгений Иванович Дижов.

Я поджидал Лену в фойе. Потому что знал: на улице ее ждет другой — тот самый мордастый парень. Она выпорхнула из зала вместе со своими ученицами и, кивнув мне, направилась к выходу. Подавив самолюбие, я произнес:

— Привет.

— Ах, это ты, Игорь. Мне надо ноутбук отремонтировать. Столько материалов пропало, жалко. И фотографий.

— Сделаю, конечно, — потерянно произнес я, думая совсем о другом. — Он у тебя с собой?

— Нет, дома. Привезу, жди. Ну, пока-пока...

Я видел в широкое окно, как Лена радостно бросилась к моему сопернику, чмокнула в щеку, взяла под руку и засемила рядом на своих высоких каблуках. Я купил в ближайшем киоске пива и поплелся домой. В сумерках заметил деда, как обычно, сидящего на лавке. Поверх зеленой кофты накинута телогрейка:

— Не холодно, Евгений Иванович?

— Я Дижо, — глухо ответил он. — Рядовой первого гренадерского полка его величества Наполеона Буонапарта. А ты кто таков?

— Мы же знакомились, я Игорь, ваш сосед.

— Ах да, — он хлопнул ладонями о колени. — Забываться стал. Плохо. Нельзя без надзора Силу оставлять. За ними ведь глаз да глаз.

— Да, они у вас, как в стройбате, — усмехнулся я, вспомнив о выдуманных соседом чертях.

— Боюсь, рассудок помутится, тут они и разгуляются, — продолжал Дед.

— А нельзя куда-то отослать их? Навсегда?

— Нет, говорю же, они к этому месту привязаны. Да и не знаю я колдовства-то. Бывает, люди учатся по тайным книгам, мастера им знания передают, а меня никто не учил. Я ведь и русской речью не владел. Потом уж освоил. Хорошо, они на всех языках разумели. Хорошая девица тут жила, Таня, советовала молиться. Да ведь не могу! Они разве позволят? То ли я им хозяин, то ли раб.

Мне стало не по себе, я уже начинал верить Деду.

Нужно было отвезти компьютер сестре в село. Ни у нее, ни у меня машины не было. Я пошел к Михе, рассчитывая, что он за обещанный магарыч доставит меня на своей машине. Удивился, что старика на скамейке нет, песка возле дома — тоже. Я стукнул в дверь, услышал невнятный ответ, отворил. В прихожей было неожиданно многолюдно. За столом сидел Миха, а рядом — крупная женщина с льяными волосами и малиновым ртом, медленно обернувшаяся и оглядевшая меня пытливым взглядом. Я решил, что это Наталья — вторая жена хозяина. Напротив пары — две старухи в темных платьях. Одна — маленькая, с темным сморщенным лицом, утонувшим в накрученных на голову платках, и другая — осанистая, с цепким прищурым взглядом, державшая в руках толстую старинную книгу. Я поздоровался. Мне ответила только Наталья. Бабка с книгой басом завела молитву, видимо, продолжая действие. Маленькая стала часто креститься и иногда вторить напарнице дребезжащим голоском. Мне стало не по себе.

— А Евгений Иванович где? — спросил я. О машине было неудобно заговаривать сразу.

— Отходит, — буркнул Миха.

— Умирает?

— Как сказать, — он пожал костлявыми плечами, обтянутыми синей водолазкой. — То ли так, то ли этак.

— А врача вызывали? — Я сочувствовал чудноватому старику.

— Толку-то, — махнула полной рукой Наталья. — Да ведь и не в первый раз.

— Было с ним так уже, — буркнул Миха. — А потом опять вставал...

Я подумал, что Михе хочется избавиться от Деда, который распугал всех его баб и заставляет возить песок своим выдуманнным чертям.

— Я бабкам заплатил, чтобы помолились, может, отмучается, — продолжал сосед.

Странное любопытство толкнуло меня произнести:

— Я найду к нему.

Бабки разом замолчали и уставились на меня. А потом, как по команде, снова забубнили. Миха безучастно обронил:

— Ага.

Я открыл дверь. На широкой кровати пластом лежал Дед. Лицо его казалось безжизненным. Внезапно он широко открыл блеклые глаза, я даже вздрогнул. Дед попытался приподняться, потянулся ко мне исхудавшей рукой и прохрипел:

— Возьми, возьми...

Я решил, что он хочет сесть, шагнул к постели и подал руку. Неожиданно сильные пальцы вцепились в нее, ладонь обожгло, я инстинктивно отдернул руку. Старик упал на подушку, еще раз схватил воздух ртом и замер, уставившись в потолок.

— Чего это он? — пробормотал я.

— Зря ты ему руку подал, — Михин голос звучал глухо. Обернувшись, я увидел, что у отворенной двери столпились все: прислонился к косяку бледный сосед, рядом, приоткрыв малиновый рот, замерла Наталья, из-за покатых ее плеч выглядывали испуганные бабки.

— А что?

— Он почему помереть не мог? Колдун должен свою силу кому-то передать, — надрывно вздохнув, пояснил сосед.

— Думаешь, мне всучил? — со злой насмешкой спросил я, скрывая испуг.

Бабки попятились. Наталья отвела взгляд.

— Я предупредить хотел, но не успел, — виновато пояснил Миха. — Ты только зла на нас не держи.

— Ладно, забудь, — махнул я рукой. — Это все фантазии ваши, обычный был пенсионер.

— У него сундучок хранился, — заметил Миха. — Дед никогда не показывал, что внутри.

— Может, деньги? — оживилась Наталья. Она сразу осмелела, по-хозяйски двинулась в комнату, извлекла из-под стола сундучок, обитый ржавым железом. Миха принес из сеней топор и сбил замок. Наталья откинула крышку, схватила лежавшее сверху тряпье, отбросила, снова запустила руки в сундучок, извлекла свернутый ремень с пряжкой, потом флажку и коробочку, которую поспешно открыла, обламывая манжеры:

— Фу, табак.

— И это все? — изумленно спросил Миха. Я поднял отброшенную Натальей тряпку, развернул — оказалось, старинный мундир. Материя кое-где на сгибах истлела, но шитье сохранилось. Даже не заглядывая в интернет, я понял, что такую форму носили наполеоновские солдаты. Стало не по себе.

— Отдай ему, — сказала Наталья мужу, указав на меня. Я послушно взял сундучок и вышел на улицу.

Бред все это, не может быть. Ну, сохранился у деда старинный мундир, конечно, чужой, а Евгений Иванович и сочинил себе легенду от тос-

ки, от одиночества. Но тогда куда исчезал песок? Каждый день по ветру развеивались несколько тонн. Значит, была какая-то неведомая сила... Вопрос: действительно ли она досталась мне? Если да, то глупо такую энергию тратить на песок или снег, как делал Дидо. Нужно приказать чертям сотворить что-то необычное.

Поставив сундучок в коридоре, я вернулся на улицу, закурил, попытался собраться с мыслями. Тревожно пылал закат, и мокрое шоссе отсвечивало алым. Слева, видимо, направляясь за поселок, в поля, вылетела серебристая иномарка. Точно такая была у парня, которого предпочла Лена. Твари! Мои кулаки сжались, я впился ненавидящим взглядом в машину. Покататься решили. Да чтоб вас в лепешку размазало! Машину вдруг занесло, она скользнула с крутой обочины, дважды перевернулась, ткнулась в брошенный на лугу старый комбайн Михи и застыла. Улица оставалась такой же пустынной. Я приблизился к машине. Парня узнал сразу, тот сидел, откинувшись навзничь, с окровавленным лицом. Девушка рядом опустила неестественно вывернутую голову на руль, безвольно свесила руки. Неужели Лена? Знакомый плащ, короткое серое платье, открывающее смуглые колени.

— Это из-за меня? — спросил я холодную пустоту осеннего мира. Из дома напротив выбежал пожилой мужик и хрипло крикнул:

— Живы?

Бросился через асфальт на лужайку, к машине, попытался открыть заклинившую дверь.

— Нет, пусть уж полиция.

— Это ведь Осинины.

Я кивнул.

— И брат погиб, и сестра. Для родителей великое горе. — Он перекрестился.

— Какой брат?

— Парень рядом с ней. Наверное, сестру учил машину водить. Он сам где-то за границей живет... жил, — поправился мужик. — Дома два года не был, и вот навестил... Хватит ляды точить. Давай-ка в милицию звони. Или я позвоню из дома. — Мужик деловито направился обратно через дорогу.

Я смотрел на ноутбук, завалившийся между сиденьями, и поднял его. Маленький, с зигзагообразной царапиной на крышке. Мне вдруг захотелось узнать, что хранила там Лена, я сунул ноутбук под куртку. Вряд ли кто-то вспомнит об этой вещице.

С запада надвигалась широкая серая туча. Вдруг зажглись фонари и стали мигать, словно елочная гирлянда. Они вспыхивали и гасли. Туча казалась комом темных лиц с закрытыми глазами и провалами ртов, открытых в беззвучном крике. Я встряхнул головой.

— Яиналеж ястюянлопси, — радостно произнесли слева. Я обернулся, но улица оставалась пустынной.

— Ястюавыбс ытчем, — иронически сообщили справа. Я глупо вертел головой. Только фонари мигали повсюду.

— Да чтоб вам! — закричал я. Столб, стоявший рядом с моим домом, вдруг дрогнул, с хрустом надломился у основания и гулко ухнул в бурьян. Лопнувшие провода хлестко ударили по влажной траве...

Дома я сел за стол и открыл ноутбук. Экран оказался разбит, в трещинах, по нему словно разлилось чернильное облако. Ноутбук тоже был мертв, как Леночка. Я достал набор инструментов и вдруг замер — в со-

седней комнате кто-то ходил. Раздался шум, словно передвинули стол и принялись переставлять стулья. Что еще за новоселы?

— Эй!

Звуки стихли. Я схватил отвертку, ворвался в соседнюю комнату и щелкнул выключателем. Там было пусто. Включив повсюду электричество, я лег на диван, прикрыл глаза шарфом и постарался уснуть. Как ни странно, мне это удалось. Утром проснулся от грохота. Вскочил, не понимая, что происходит. Огляделся. Яркий свет из окна и от люстры заливал комнату, а в правом углу, который называют красным и где висела оставшаяся еще от прежних хозяев икона, — пусто: икона упала. Я встал, поднял ее и положил на стол. Вдруг заметил, что красный угол заполняет тьма. Словно капля чернил, не растворившаяся в воде, дымно-волоконистый ком перетек по потолку и замер. А потом я услышал голос у себя в голове — неведомую речь, смысл которой я, тем не менее, ощутил — от меня требовали задания. Я хотел выругаться, но испугался, что буду неправильно понят. Попятился к двери, толкнул ее — дверь не открывалась. Шагнул к окну, раздраженно дернул шпингалет, он словно влип в паз. В ужасе и ярости я схватил стул и с маху ударил в стекло, выходящее во двор. Оно выдержало удар. Это подкосило меня, я обернулся — тьма в углу была плотной и вздрагивала в такт ударам моего сердца. Если я ничего не придумаю, они начнут меня мучить? Как это происходит? Нет! Разве у меня не хватит фантазии, чтобы озадачить банду чертей?

— Блин, ну переставьте водонапорную башню. На пару шагов, — сказал я, чувствуя себя идиотом. Подошел к окну. Башня, стоявшая возле дороги, как будто немного сдвинулась. Я запоздало сообразил, что даже это наверняка нарушит водоснабжение на нашей улице. Бросился на кухню и повернул кран — так и есть, воды не было. И что дальше? Да я же тут сдохну от жажды. Э, нет, я могу приказать принести попить. Обернулся на тихий стук. Посреди стола оказался неизвестно откуда взявшийся стакан, нечистый, в жирных разводах. Стало мерзко. Я вдруг вспомнил, откуда он. Много лет назад я, маленький, стою и смотрю на отца. Кажется, его сейчас вырвет. Вчера глава семейства напился и выгонял меня с мамой из дома.

— Принеси воды, щенок. Чего глазеешь? — хрипит отец. Я наливаю воду и несу ему. Отхлебнув, отец полощет рот и, выплюнув мутную жижу в стакан, возвращает его мне. На граненом стекле — отпечатки грязных пальцев.

— Вот значит как. У вас просить — себе дороже. — Я за злобой устал в тьму в углу.

Что бы это ни была за сила, я ее не контролирую. Может быть, со временем научусь? Но на это уйдут годы, и каждый день я буду рисковать одним взглядом или случайно вырвавшимся словом убить человека, разрушить, взорвать, сломать. Вот почему некоторые маги бежали в глухие леса, закрывались в высоких башнях. Но если вокруг не будет людей, то у неведомой Силы останется одна жертва — я сам.

— Вы достали, — прошипел я. И вдруг вспомнил про ноутбук Леночки.

— Почините мне эту штуку, чтобы работала, — ткнул пальцем в разбитый монитор. — Все туда и чинить. Сгусток тьмы приблизился, теперь он висел передо мной в нескольких сантиметрах от пола.

Я встряхнул ноутбук:

— Добро пожаловать, черти!

Ноутбук вдруг стал невероятно тяжелым, вырвался из рук и рухнул на стол с тяжестью могильной плиты. Тот покачнулся, но выдержал. Тьма исчезла с глаз долой. Я подошел к двери и толкнул, она легко открылась. Я вышел и без сил опустился на холодный порог. Потом вернулся в дом, с отвращением взял двумя пальцами стакан и отнес его в мусорное ведро. С опаской покосился на ноутбук. Видимо, норма на сегодня была выполнена, но завтра придется придумывать что-то еще. Однако на следующее утро черный легион, как называл его покойный сосед, меня не побеспокоил. Сколько я ни всматривался в углы, ожидая увидеть знакомый стукот тьмы, в квартире царил покой. На следующий тоже. Я опасливо приподнял ноутбук. Он был все также тяжел. Бесы внутри заморской техники трудились, но, наверное, знаний им не хватало. Мне вспомнились сказки, где от нечисти избавлялись, заключив в какую-нибудь штуковину и выкинув подальше, а еще лучше — поглубже.

— Ну да, все эти джинны в кувшинах, ящик Пандоры, горе горькое в солдатском ранце...

Я осторожно положил ноутбук в пустую спортивную сумку, поднял, и у нее тут же оторвалась ручка, не выдержав веса.

— Врете, сволочи, все равно донесу. — Я достал из-за кухонного шкафа мешок и кинул в него ноут. Завязал подвернувшимся обрывком веревки. Вышел на порог.

— Кто это у тебя там? — спросил Миха. Он курил в своем палисаднике.

— Где? — удивился я. Сосед указал на ношу в моей руке, я глянул и опешил — мешок подергивался, словно там яростно билось живое существо.

— Кот! — выпалил я, сам обмирая от ужаса. — Завел кота, а этот гад утром курицу задушенную принес.

— Убить подлеца, — обыденно предложил сосед. — Я своего вилами запарол.

— Пусть живет. Отнесу в лес.

— Ну, неси. — Миха далеко кинул окурок, блеснувший искрой. — Он все равно домой вернется.

Я зашагал по улице, стиснув в кулаке горловину мешка. Свернул на тропу, ведущую через перепаханые огороды и широкий луг к лесу. В мешке что-то ворочалось, и мне хотелось от души пнуть его, но я боялся, что черти не снесут обиды, вырвутся все разом и устроят мне ад на земле. Но ведь если я просто оставлю ноут в лесу, его рано или поздно найдут. А лопату, чтобы зарыть дьявольский груз, не взял. Я топал по траве к стене молодых дубков, кроссовки промокли. Подумал, что скоро стемнеет, а в нашем лесу водятся кабаны. В прошлом году одному парню пришлось на дерево залезть от них — запросто сожрут.

Вдруг налетел ветер, пронизывающе ледяной, резкий. Лес затрепал, полетели сухие листья, щепки, клочья коры. Деревья не просто раскачивались, они корчились, переплетая ветви, заслоняя мне путь, словно мертвые многорукие плясуны.

— Циклон, — отчеканил я. — Природное явление. Так бывает.

Но захотелось кинуть мешок и броситься обратно. Если кто-то найдет его, пусть делает что хочет с жутким даром. Я и сделал так: опустил ношу в траву и повернулся к поселку. Но и там кое-что стало иным — дома все были перевернуты вверх фундаментами, они ровно стояли на коньках крыш. Остальные постройки и заборы сохраняли прежний вид.

— Мираж, — я встряхнул головой.

— А ты точно не хочешь посмотреть мои фотки? — вдруг прозвучал звонкий девичий голос.

Я огляделся, никого вокруг не было, только на одном стогу сидела маленькая сова и вертела головой. Я вспомнил Леночкину вывернутую после аварии шею. На миг показалось, что у совы глазастое девичье личико.

— Галлюцинация. — Я решительно направился в лес, с досадой обламывая цепляющиеся за одежду ветви, пиная корни, торчащие из земли, как кости неведомых зверей. Перед моим лицом металась листва, шумно рушились трухлявые сучья, раздавались взвизги, скрип, стенания, я убеждал себя, что звуки издают качающиеся стволы деревьев.

По этой тропинке в июне я ходил за липовым цветом с Леной и ее подругами. Местные жители всегда собирали в лесу лекарственные травы, землянику, терн. Липовый цвет здесь добавляют в чай, для аромата. Стоял солнечный день, мы оказались на поляне, окруженной золотистыми цветущими деревьями, над которыми жужжал пчелиный хор. А в тени искрился окруженный осокой родник, вокруг которого на влажной глине отпечатались следы зверей и птиц. Сказочный уголок.

Теперь все казалось иным — жутким. Сумрак, частокол бурелома вокруг поляны с вылинявшей травой. Когда я ступил на открытое пространство, ветер стал еще сильнее, а мешок таким тяжелым, что я опустил его на землю и поволок за собой из последних сил. Возле родника остановился. Напротив меня за черным зеркальцем воды торчала замшелая коряга, на ней замерла маленькая сова. У нее точно оказалось лицо Леночки. Белое, с круглыми сияющими глазами. Она показала острый красный язычок, явно издеваясь над моим испуганным видом.

— Прекрати. Это не ты, — произнес я неуверенно.

Существо звонко захохотало и бросилось мне в лицо, я закрылся рукой, ожидая, что по ней царапнут когти, но ощутил только скользящее прикосновение крыла.

В следующую минуту столкнул ноутбук в родник. Вода ударила вверх, на миг застыла хрустальной колонной и обрушилась вниз, осыпав меня и деревья брызгами. В глубине забурило, словно огненная смола боролась с водой, схлестнулись две стихии.

Я повернулся и побежал обратно. С опушки заметив, что дома приняли обычный вид, замедлил шаг. На том же стогу сидела маленькая сова, мельком глянувшая на меня равнодушными птичьими глазами. Слева поднималась большая красноватая луна, сулившая ветреную погоду. И я знал, что именно там, восточней поселка, — кладбище за синей оградой, где аккуратную насыпь над Леночкиной могилой венчает деревянный крест. Ведь памятника не ставят, пока не осядет грунт.

...Прошло три года. Но я так и не могу уехать из Узварово. Иногда глухой осенней ночью просыпаюсь и думаю о том, как подчинить себе неведомую могучую силу. Хочется одеться и бежать в ночной лес, запустить руки в ледяную бурлящую воду, выхватить ноутбук, который окажется легче пушинки, отремонтировать его, включить. Я знаю, что у меня получится, знаю, что все фотографии Леночки сохранились. Приказать оживить ее — почему я не сделал этого сразу, когда стоял возле изуродованной машины? С трудом останавливаю себя, надеваю мундир Диджо, беру его старинную табакерку, набиваю глиняную трубку и курю. Закончится табак, и я пойду к роднику. Но табак не кончается.